

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Историческая индивидуация в свете спекулятивной онтологии и нового материализма у Мануэля Деланда // Философская мысль. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.5.74178 EDN: TAPXHH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74178

Историческая индивидуация в свете спекулятивной онтологии и нового материализма у Мануэля Деланда

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.5.74178

EDN:

TAPXHH

Дата направления статьи в редакцию:

21-04-2025

Аннотация: В данной работе рассматривается концепция индивидуации как исторического процесса, разработанная представителем спекулятивной онтологии и нового материализма Мануэлем Деланда. Цель данной статьи – не только переосмыслить проблему становления индивидуальных сущих (индивидов, институтов, городов и национальных государств), но и рассмотреть ее в контексте концепции «ассамбляжа» («сборки»). Иными словами, историческая индивидуация у Деланда – это концепция, описывающая процесс формирования и стабилизации социальных, культурных и материальных сущих через взаимодействие разнородных элементов в рамках социальных ассамблеж. Деланда заимствует термин «индивидуация» у Ж. Симондона, но переосмысливает его в плоскости своей спекулятивной онтологии, объединяющей нелинейные материальные процессы, контингентность и эмерджентность. Отсюда следует, что все сущие – от молекул до городов, от бактерий до алгоритмов – существуют в одной плоскости, без иерархии. Междисциплинарный анализ исторической

индивидуации у Деланды требуют отказа от редукционизма, учета множественности уровней и акцент на процессуальность, а также сочетания сравнительно-исторического, системного и сетевого подходов. Ключевая задача – уловить динамику взаимодействий в ассамбляжах, учесть роль контингентности и эмерджентности. Это позволяет отказаться от упрощенных моделей истории в пользу многомерного анализа, где материальное и социальное переплетаются в непредсказуемых паттернах. Кроме того, концепция индивидуации как исторического процесса у Деланда позволяет анализировать историю как множество переплетающихся процессов, где «материальное» и «социальное» взаимозависимы, а контингентность и эмерджентность сосуществуют. В этом случае достижением концепции «ассамбляжа» является описание взаимосвязей как внешних, то есть множественных и качественно разнообразных. Благодаря параметризации философских понятий Деланда способен описывать явления и как симуляции, отслеживая их изменения через цепочки взаимосвязей, а не через причинно-следственные связи. Такая возможность количественного представления ранее уникальных событий делает концепцию «ассамбляжей» перспективной для анализа корреляций, обнаруживаемых в больших объемах информации. Тем не менее эта трансформация приводит к потере акцента на индивидуальном существовании, которое оказывается за пределами рассмотрения Деланда. В качестве метафизики множественности, также использующей научные концепции, но сохраняющей фокус на индивидуальном существовании, можно привести в пример концепцию «индивидуации» Ж. Симондона.

Ключевые слова:

Деланда, Симондон, сущее, ассамбляж, контингентность, нечеловеческая агентность, индивидуация, эмерджентность, сингулярность, операция

Введение

Что такое спекулятивная онтология у Деланда?^[1] Эта философская позиция, которая рассматривает реальность как динамическую многоуровневую сеть материальных процессов, взаимодействий и самоорганизующихся систем. Она объединяет идеи из науки (теории хаоса, синергетики, биологии), философии (постструктурализма, нового материализма) и социальной теории, отвергая редукционизм и антропоцентризм. Кроме того, отвергая представление о человеке как центре реальности, делая акцент на историческую индивидуацию и материальность, критикуя редукционизм и корреляционизм, а также применяя спекулятивный подход к науке, М. Деланда со своей концепцией «ассамбляжа»^[2, p.4] сближается с теоретиками спекулятивного реализма: К. Мейясу^[3,4], Г. Харманом^[5,6] и Р. Брасье^[7]. В этом случае после десятилетий посткантовской философии (от Гегеля до Хайдеггера и Деррида), опираясь на идеи спекулятивного реализма, стало возможным различить новую философскую практику, которая позволяет познать реальность, не зависящую от человеческого сознания, науки, дискурса, культуры или власти. Проще говоря, философская позиция спекулятивного реализма, критикующая корреляционизм, – это идея того, что объективная реальность доступна только через человеческое восприятие. Однако, как подчеркивает Деланда, в контексте его новой спекулятивной онтологии невозможно утверждать полную независимость реальности от человеческого сознания, и это отличает ее от теории спекулятивного реализма, поскольку многие социальные образования – от локальных групп до масштабных государств – не могли бы существовать без человеческого разума.

Отсюда следует, что ключевая идея социальной стратегии Деланда сводится к созданию такой системы понятий, где основополагающим элементом выступает эмерджентное свойство – характеристика целостной системы, которая превосходит сумму ее составляющих и не может быть объяснена через них. Другими словами, реальность – это динамические ассамбляжи (сборки людей, объектов, институций), где элементы сохраняют автономию, но совместно порождают эмерджентные свойства. Кроме того, это новое реалистическое направление Деланда в философии выражается в возвращении к материалистическим взглядам, переосмыслении принципов причинно-следственных связей, в том числе отказа от редукции. Причиной тому послужило то, что ее ранние интерпретации, стремясь к строгой линейной причинности, казались противоречащими и апеллировали к не поддающимся объяснению, почти мистическим аспектам реальности. Таким образом, спекулятивная онтология Деланда – это попытка преодолеть разрыв между материей и смыслом, наукой и философией. Она показывает, что реальность не сводится не к атомам, ни к языку, а представляет собой динамическую сеть взаимодействий, где даже неживые объекты играют активную роль. Ее значение заключено не только в альтернативе антропоцентризму, но и в создании инструментов для анализа сложности современного социального мира – от экологических кризисов до цифровых технологий.

От Аристотеля к Деланда: поиск истоков понятия «индивидуация»

Стоит отметить, что проблему возникновения и становления индивидуальных сущих Деланда рассматривал в контексте теоретических положений, разработанных такими мыслителями, как Аристотель, Фома Аквинский, Дунс Скот, Лейбниц, Юнг, Симондон и другие. Так, Аристотель, возможно, первый придал проблеме индивидуации теоретический смысл, где это понятие связано с его учением о «сущем» (οὐσία) и принципах, которые делают конкретную вещь уникальной, отличной от других вещей того же вида. Здесь сущее – все, что существует, разделяемое на категории (субстанция, качество, количество и др.). Поэтому, хотя сам Аристотель не использует термин «индивидуация» (этот термин возник в средневековой философии), его идеи заложили основу для последующих дискуссий. В своей работе «Категории» (др.-греч. Κατηγορίαι) Аристотель разделяет сущие на: первичные и вторичные (Аристотель «Категории» 5, 2a11–3a20)^[8, с. 55-58]. Первичные сущие (πρῶται οὐσίαι) – это конкретные индивиды, существующие самостоятельно. Например, отдельный «человек» или отдельная «лошадь». В этом случае нельзя сказать: «Сократ – это Сократ» в качестве описания другого объекта. То есть первичные сущие – это те, которые не сказываются о подлежащем и не находятся в подлежащем. Иными словами, первичные сущие являются основой для всех остальных категорий (качеств, количеств, отношений и т.д.). Без первичных сущих не существовало бы реальности. Вторичные сущие (δεύτεραι οὐσίαι) – это виды и роды, которые обозначают общую природу, но не существуют отдельно от первичных сущих. Например, «человек» (вид) или «животное» (род). Вторичные сущности важны для познания, так как через них можно понять, чем является первичная сущность (например, «Сократ – человек», а «человек – разумное животное»). В результате такое разделение отвергает платоновский мир идей: для Аристотеля универсалии («человек», «добро», «красота») не существуют отдельно от конкретных вещей. Реально только индивиды, а виды и роды – лишь способы их познания. Если исчезнут все люди (первичные сущности), исчезнет и вид «человек», и род «животное» (в контексте человечества).

Кроме того, в «Метафизике» Аристотель развивает учение о гилеморфизме (сочетании материи и формы). В рамках этой гилеморфической схемы (основанной на понятиях

«материи» и «формы»), Аристотель анализировал принцип индивидуации, стремясь понять, как общие сущие (формы) обретают конкретное единичное проявление в мире. В связи с этим форма определяет сущность вещи (например, «человечность»). Материя – пассивный субстрат, который принимает форму. Для вещей чувственного мира (составленных из материи и формы) индивидуация возникает благодаря материи. Например, два человека одной и той же формы («человек») различаются материей (телесной организацией). Поэтому материя у Аристотеля становится принципом индивидуации для материальных сущих. В известном фрагменте, который часто цитировали средневековые мыслители, Аристотель так истолковывает источник, определяющий особенность каждой вещи: «Вся эта форма, состоящая из этой плоти и этих костей, – это Каллиас или Сократ, и они отличаются друг от друга своей материей (поскольку она разная), но одинаковы по виду, поскольку вид неделим» (Аристотель «Метафизика» 1034a5–8) [\[9, с. 202\]](#). Тем не менее для нематериальных сущих (например, божественный Ум или отдельные души, если они бессмертны), индивидуация не может объясняться материей. Здесь форма сама по себе уникальна. Таким образом, для Аристотеля индивидуация – это результат воплощения общей формы в конкретной материи, которая придает ей уникальность. Его подход остается субстанциалистским и статичным в сравнении с процессуальными концепциями Симондона или метафизикой Лейбница. Однако эта схема Аристотеля не имеет аналогий в реальном мире [\[10, с. 47\]](#). Однако именно аристотелевская идея о материи как принципе индивидуации заложила основу для многовековых дискуссий в философии, теологии и науке.

В эпоху поздней античности аристотелевское понимание гилеморфизма постепенно насыщается идеями, восходящими к платонизму. Теперь в ряды индивидов включаются не только физические сущие, но и нематериальные, например, душа. Тем не менее вопрос о том, как формируется индивидуальность, продолжительное время оставался в рамках, заданных Аристотелем, во многом благодаря деятельности схоласта Фомы Аквинского (1225–1274), который вновь актуализировал аристотелизм в рамках христианского вероучения. Иными словами, Аквинат в контексте аристотелевской парадигмы, адаптированной к христианской теологии (связанной с божественным творением), утверждал, что «материя» [\[11, с. 281\]](#) является принципом индивидуации для телесных сущих. Вместе с тем для нематериальных сущих (ангелов и человеческих душ) у Аквината ключевую роль играет понятие «субстанциальной формы». Субстанциональная форма – это внутренний принцип, определяющий сущность и единство сущего. Она не только придает вещи ее специфическую природу (например, делает человека разумным), но и обеспечивает тождественность и целостность сущего на протяжении его существования. То есть для телесных сущих форма сочетается с материей, но для нематериальных сущих форма существует самостоятельно. Отсюда следует, что ангелы как чистые формы уникальны по своей сути, а человеческие души сохраняют индивидуальность благодаря «памяти» о связи с телом. В результате материя больше не является исключительно определяющим фактором индивидуальности, поскольку эту функцию разделяет с ней уникальная форма. Кроме того, Аквинат вводит важное различие между «сущим» и «существованием». Сущее – это что вещи, а существование – акт, благодаря которому сущее обретает бытие. Поэтому в учении Аквината осмысление процесса ведется через призму рассуждений о соотношении сущего и существования, а также частного и общего. В данном контексте индивидуация представляет собой постепенный процесс отделения частного из общего на основании материальных качеств сущего. То есть в этом случае индивидуализация достигается через отделение от других сущих. Следовательно, ключевым принципом индивидуации в его учении выступает именно внешний принцип обособления – механизм, благодаря

которому отдельные сущие, принадлежащие к одному виду, отличаются друг от друга. Важно отметить, что в его концепции трех субстанций отсутствует представление о возможности обратного развития: интеграции частного в общее посредством усовершенствования сущего. Таким образом, Фома Аквинский рассматривает индивидуацию как фундаментальный метафизический процесс, связывающий единство сущего с множественностью конкретных сущих. Его синтез аристотелизма и христианства (томистская модель философии) заложил основы для понимания личности, свободы и уникальности в католической схоластики и философии. Даже сегодня, в контексте споров о природе сознания, искусственного интеллекта и биоэтики.

В дальнейшем поздние схоласты, такие как Дунс Скот (1266–1308), критиковали идею Аквината о материи как единственном принципе индивидуации. Скот утверждает, что материя пассивна и не может быть источником индивидуальности. Если бы индивидуация зависела только от материи, нематериальные сущие (например, ангелы) не могли быть уникальными, что противоречит христианской доктрине. Скот вводит понятие *haecceitas* (от лат. *haec* – «это») или «этовость» как формальный принцип индивидуации. *Haecceitas* – это не материя и не акциденция, а последнее формальное отличие, которое добавляется к общей природе вещи, делая ее уникальной, то есть превращая ее в конкретного индивида. Например, общая природа «человек» становится конкретным индивидом (Сократом) благодаря его *haecceitas*. В связи с этим, по словам российского философа А.В. Апполонова: «...Скот называет «этовостью» (*haecceitas*) и общей видовой природой, именуемой им «общей природой» (*natura communis*) или просто «природой» (*natura*) имеется реальное единство при формальном различии»^[12, с. 24]. Поэтому общая природа не только определяет сущность вещи как члена вида (например, «человечность»), но и существует в реальности, при этом она нейтральна к процессу индивидуации. Этовость (*haecceitas*) в данном случае формально отличает общую природу, превращая ее в конкретного индивида, то есть не создавая новое сущее, добавляет ей индивидуальную определенность. В тоже время Скот использует *distinctio formalis a parte rei* («формальное различие со стороны вещи»): *haecceitas* и общая природа не разделены реально, но различаются формально в рамках одного сущего. Например, в Сократе «человечность» и его «этовость» – это разные аспекты одного и того же сущего. Кроме того, Сократ и Платон обладают общей природой «человек», но различаются своими *haecceitas*. Таким образом, Дунс Скот радикально переосмыслил понятие «индивидуации» и средневековую метафизику, сместив акцент с материи на форму. Его «этовость» стала попыткой объяснить, как из общей природы возникает уникальность без обращения к материальному субстрату. Вместе с тем его идеи не только оказали влияние на номинализм (например, Уильяма Оккама), но и заложили основы для развития философии индивидуализма в Новое время, где индивидуальность стала центральной категорией.

Затем английский философ-номиналист Уильям Оккам (1285–1347) предложил принципиально новый подход к вопросу индивидуации, отказавшись от идеи о существовании отдельного особого принципа, отвечающего за индивидуальность, (будь то материя, форма или концепция «*haecceitas*»). Он полагал, что подобное усложнение противоречит принципу бережливости в мышлении. Иными словами, Оккам не согласился ни с аристотелевско-томистским объяснением индивидуации через материю, ни с концепцией «этовости» предложенной Дунсом Скотом, считая ее излишней^[13, с. 123-129]. Для философии номинализма Оккама всякая вещь уже изначально, индивидуальна, и ее уникальность не требует объяснения через дополнительные принципы. В этом случае универсалии (общие понятия: виды и роды) существуют только в уме или языке как термины, помогающие классифицировать единичные вещи. Реальны только индивиды.

Мир состоит исключительно из единичных конкретных вещей (например, Сократ, эта лошадь), а не из абстрактных сущих. Для разъяснения использования в логике и повседневной речи общих понятий и имен Оккам прибегает к теории «суппозиций», что можно понимать как принцип «замещения» или «подмены». Согласно этой теории, когда мы используем общие термины, например, «человек» и «живое сущее» в предложении «человек есть живое сущее», мы не ссылаемся на некую абстрактную общую природу, а обозначаем конкретный единичный объект – конкретного человека. В таком подходе вопрос об индивидуации теряет смысл и становится иллюзорным: бессмысленно задаваться вопросом о том, как некая «общая природа» проявляется в отдельных экземплярах, если этой природы на самом деле нет. Оккам применяет теорию суппозиций и для анализа понятий «сущее» и «существования» считая, что они в высказываниях заменяют одно и то же – реально существующую вещь. В результате Оккам упростил онтологию, отказавшись от сложных метафизических сущих («бритва Оккама»). Отсюда следует, что индивидуация у Оккама – это не проблема, требующая решения, а исходный факт реальности. Вещи индивидуальны по определению, а универсалии – лишь инструменты человеческого мышления. Эта позиция стала краеугольным камнем номинализма и предвосхитила поворот философии к анализу конкретного опыта. Более того, его акцент на единичном подготовил почву для философии Локка, Юма и научного метода Нового времени.

Испанский философ-иезуит и последний крупный представитель схоластики Ф. Суарес (1548–1617) разрабатывал оригинальную теорию индивидуации, синтезировав элементы аристотилевско-томистской традиции с идеями Дунса Скота и номинализма^[14]. Суарес критикует предшествующие теории «индивидуации». Он считает, что материя пассивна и не может быть активным принципом, а введение «этовости» как формального отличия избыточно и усложняет онтологию. Хотя Суарес с приматом единичного соглашается, однако он не принимает радикальный отказ Оккама от конституирования индивидуации. Отсюда следует, что Суарес предлагает модифицированный гилеморфизм, а именно индивидуацию через «сущностное бытие» (*entitas tota*). Другими словами, сущность (*essentia*) вещи – это единство формы и материи. Но индивидуация происходит не через материю или форму, а через само «целостное сущее» (*entitas tota*) в ее конкретном существовании. То есть индивидуальность возникает из полноты сущностного бытия, которое включает в себя все актуальные и потенциальные характеристики вещи. Например, человек индивидуализируется не материей тела или формой души, а уникальным модусом существования своего сущего. Поэтому существование (*existentia*) у Суареса – это акт, который актуализирует сущее, делая ее конкретной и индивидуальной. Однако Суарес избегает томистского разделения сущего и существования: индивидуация – это не результат добавления существования к сущности, а ее внутреннее свойство. Вместе с тем универсалии (виды и роды) у Суареса существуют только в уме, как ментальные абстракции, но они основаны на реальном сходстве между индивидами. Индивиды первичны, а их уникальность не требует объяснения через дополнительные принципы, так как она имплицитно содержится в их сущности. При этом человеческая душа индивидуализируется через связь с конкретным телом, но ее уникальность сохраняется даже после отделения от тела. Таким образом, подход Суареса стал образцом для позднейшей философии, сочетая строгость анализа с отказом от избыточных сущих. Суарес не только повлиял идеи Декарта, Лейбница, Канта, но и радикально переосмыслил индивидуацию, отказавшись от поиска внешних принципов («материи», «этовости») и поместил ее внутрь самой сущности. Его теория стала компромиссом между реализмом и номинализмом, подчеркивая, что уникальность – это неотъемлемое свойство бытия, а не результат действия отдельного фактора. Это

позволило сохранить метафизическую глубину, избежав излишних абстракций, и подготовило почву для философии Нового времени.

В эпоху Нового времени вопрос индивидуальности вновь привлек внимание благодаря философу Г.В. Лейбницу (1646–1716). В 1663 году он представил магистерскую работу «О принципе индивидуации», где отстаивал номиналистские взгляды. Лейбниц полагал, что ключ к разрешению этой проблемы кроется в осознании реальности исключительности сущих. Лейбниц разработал уникальную концепцию индивидуации, основанную на метафизике монад – простых неделимых субстанций, составляющих основу реальности^[15]. Иными словами, монады у Лейбница – это духовные непротяженные субстанции в структуре бытия, лишенные частей, но обладающие внутренней активностью. Они не возникают и не исчезают, а лишь изменяют свои состояния. Каждая монада уникальна, так как обладает полной индивидуальной концепцией, включающей все прошлые, настоящие и будущие предикаты. В этом случае индивидуальность монады определяется ее внутренними свойствами: во-первых, восприятием, способностью отражать Вселенную с уникальной точки зрения; во-вторых, аппетицией, внутренней силой, направляющей изменения монады. Отсюда следует, что монада – это «живое зеркало Вселенной», чья индивидуальность задается ее полной понятийной сущностью, предустановленной Богом. То есть, с позиции Лейбница, Бог синхронизировал развитие всех монад так, что их восприятия согласованы, хотя они не взаимодействуют физически. Вместе с тем монада человека отличается от монады камня не материей, а степенью ясности восприятия. Например, человек обладает сознанием, камень – лишь смутными восприятиями. В результате любая монада воплощает уникальный «угол зрения» на мир, заданный ее сущностью. В таком контексте индивидуация у Лейбница не сводится к материальным или формальным различиям, а коренится в внутренней природе каждой монады и ее перспективе восприятия. В связи с этим он утверждает, что индивидуация не обусловлена какой-либо частью вещи, а вытекает из ее нераздельной целостности. В своих «Новых опытах о человеческом разумении» он сформулировал это так: «...индивидуальность заключает в себе бесконечность, и только тот, кто в состоянии охватить ее, может обладать знанием принципа индивидуации той или иной вещи; это объясняется влиянием (в правильном его понимании), оказываемым друг на друга всеми вещами вселенной»^[16,с.291]. Кроме того, Лейбниц дополняет процесс индивидуации принципом тождества, рассматривая становление сущих как заранее заданную закономерность: невозможно существование двух абсолютно неразличимых сущих, несмотря на то, что их можно представить в теории. Так, две капли воды, неотличимые для наблюдателя на метафизическом уровне, обладают уникальными характеристиками (например, разной внутренней структурой или историей движения). Таким образом, для Лейбница индивидуация – это метафизическая данность, вытекающая из природы монад как уникальных субстанций. Их неповторимость определяется не внешними факторами, а внутренней сущностью, включающей всю их «историю» и перспективу. Эта концепция объединяет рационализм с глубоким пониманием уникальности каждого элемента мироздания, предвосхитив идеи современной науки и философии.

Современник Лейбница, английский философ-эмпирик Джон Локк (1632–1704) подходил к проблеме индивидуации через призму своей теории идентичности и личности, отвергая схоластические и субстанциональные объяснения. Локк критикует традиционные метафизические подходы, основанные на субстанции (материи и форме), поскольку они, с его точки зрения, недоступны для эмпирического познания. Кроме того, Локк не принимает и монадологию, так как считает, что реальность познается через опыт, а не умозрительные сущие. Поэтому в работе «Опыт о человеческом разумении» (1689)

принцип индивидуации он связывает с эмпирическими критериями, наблюдаемыми свойствами, сознанием и памятью: «Этот принцип, очевидно, есть само существование, определяющее предмету любого вида его время и место, которые не могут быть общими у двух предметов одного и того же рода. Хотя это как будто легче понять на простых субстанциях и модусах, однако, когда поразмыслят, это окажется не более трудным и в отношении сложных субстанций и модусов, если только обращать внимание на то, к чему это применяется»^[17,с.381-382]. Таким образом, индивидуация у Локка – это практический вопрос, решаемый через наблюдаемые свойства и сознание. Уникальность объектов определяется их физическими характеристиками и местом в пространстве-времени, а идентичность личности – непрерывностью памяти и самосознания. Этот подход стал поворотным пунктом в философии, сместив фокус с метафизических абстракций на эмпиризм и психологию, и оказал влияние на развитие либеральной мысли, права и наук о человеке.

Но уже к середине XIX века вопросы, связанные с индивидуацией, постепенно утрачивают свою актуальность. Процесс индивидуации становится практически невозможным, поскольку исчезает сам субъект, вокруг которого он мог бы разворачиваться. В философии и науке произошла смена приоритетов в сторону перехода от классической метафизики к современным подходам, где акцент смещался на: историческую изменчивость (Маркс, Дарвин), индивидуальный опыт (Кьеркегор) и эмпирические законы (Конт). Кроме того, гегелевская диалектика^[18] сместила фокус на изменчивость и процесс, через который Абсолютный Дух (мировой разум) реализует себя, переходя из абстрактной всеобщности к конкретной определенности. Этот диалектический процесс у Гегеля раскрывается через триаду: тезиса, антитезиса и синтеза, где каждое отрицание ведет к высшему единству. Человек, участвуя в этом процессе, становится не просто индивидом, но носителем всеобщего разума, чья свобода является высшим выражением Божественного замысла. Однако в дальнейшем, учитывая уникальность и неповторимость явлений феноменального мира, возникает обоснованное предположение, что появление сущих не обусловлено простым предопределенным развитием из предыдущей стадии. Само это состояние требует нового осмысления, переинтерпретации: его нельзя рассматривать как скрытую потенциальность, зародыш, в котором заключено все многообразие будущих проявлений. Скорее это должно быть воспринято как область потенциальных вариантов, как совокупность характеристик. Траектория и процессы индивидуации, а также механизмы, их определяющие, следует анализировать как нечто, существующее автономно от этих характеристик, хотя и находящееся с ними в связи, но также зависящее и от других внешних факторов. Первым, кто двинулся в этом направлении, был британский философ и математик А.Н. Уайтхед (1861–1947)^[19].

Основатель процессуальной философии и математик Уайтхед радикально переосмысливает проблему индивидуации, отказавшись от субстанционального подхода. В его работе «Процесс и реальность» (1929)^[19,с.272-292] индивидуация связывается уже не с неизменными сущими, а с динамическими процессами и актуальными событиями. Иными словами, механистическая картина, где объекты существуют независимо от процессов, ложна. Вместо этого Уайтхед предлагает процессуальную онтологию, где реальность – это сеть взаимосвязанных событий. По его мнению, индивидуация происходит через актуальные сущие (динамические события), которые не имеют длительности, уникальны и созидательны. В этом случае, во-первых, каждое актуальное сущее возникает путем «схватывания» (prehension) данных из окружающего мира (из других сущих) и удовлетворяется (завершается), становясь основой для новых

процессов. Во-вторых, каждое событие индивидуально благодаря своему конкретному опыту и способу интеграции внешних влияний. Поэтому индивидуация – это творческий акт или «созидательное продвижение» (creative advance), в котором актуальное сущее выбирает, как реагировать на вечные объекты, создавая новизну. При этом вечные объекты (eternal objects) – это абстрактные сущие, такие как математические формы, цвета, эмоции, идеи. Они существуют вне времени и пространства, но могут быть актуализированы в конкретных событиях. Например, момент восприятия цветка человеком – это актуальное сущее, объединяющая цвет, форму цветка, память о прошлых впечатлениях и эмоциональную реакцию. Следующий момент подобного восприятия этого цветка уже будет другим событием.

Очевидно, Уайтхед был убежден, что индивидуация возможно только в контексте отношений. Уникальность события определяется тем, какие влияния оно вбирает и как их преобразует. Кроме того, Уайтхед конституирует категорию «изначального», которая есть не что иное, как «креативность», созидаящая сила, творческая энергия, неотъемлемая от самого факта существования. В данном контексте индивидуация делится на две взаимосвязанные «природы»: «изначальную природу» и «последующую природу». Изначальная природа (primordial nature) – это абстрактный аспект становления, представляющий собой совокупность всех вечных объектов, то есть чистых возможностей, форм и потенций. То есть «изначальное» является источником порядка и новизны, обеспечивающее саму возможность существования структуры в хаотическом потоке становления. Последующая природа (consequent nature) – это конкретный аспект становления, который взаимодействует с миром, вбирая в себя опыт актуальных событий. Более того, Уайтхед вводит понятие «общества» (society) – последовательности актуальных сущих, связанных общими паттернами. Индивидуация внутри общества сочетает: повторяемость и уникальность. Например, человеческое тело – «общество» клеток, каждая из которых индивидуальна, но подчиняется общим биологическим законам. Таким образом, для Уайтхеда индивидуация – это динамический творческий акт, в котором реальность постоянно обновляется через взаимодействие уникальных событий. Его процессуальный подход отвергает статичные категории, подчёркивая, что даже устойчивые объекты – временные паттерны в потоке становления. Эта концепция предлагает альтернативу как механистическому материализму, так и субстанциальному идеализму, открывая путь для философии, где изменение и взаимосвязь – основа бытия.

Карл Густав Юнг (1875–1961) швейцарский психиатр и основатель аналитической психологии, рассматривал индивидуацию как ключевой процесс становления целостной личности. Это не просто развитие, а глубинный путь самореализации, направленный на интеграцию сознательных и бессознательных аспектов психики. В результате индивидуация у Юнга – это центральная идея аналитической философии, которая определяется как путь духовного развития человека (или процесс психологического созревания), связанный с интеграцией глубинных аспектов подсознания в сознание. По мнению Юнга, этим процессом движет скрытая тенденция, неосознанная сила, берущая начало в центре духовной целостности личности – архетипе Самости, символизирующей гармонию и полноту. Индивидуация у Юнга – это диалог между спонтанностью и осознанностью. Бессознательное задает направление индивидуации, так как без сознательного усилия человек рискует потеряться в иллюзиях персоны (социальной маски) или подавленных конфликтах. Подобно садовнику, который не «заставляет» растение расти, но создает условия для его развития, человек должен учиться слушать внутренние сигналы и доверять мудрости психики. Этот процесс не имеет конечной точки, это путь длиной в жизнь, где каждый этап открывает новые грани Самости ^[20].

Один из ведущих эволюционных биологов XX века, основоположник синтетической теории эволюции Эрнст Майр (1904–2005)^[21] рассматривал проблему индивидуации в контексте биологической изменчивости, видообразования и популяционной генетики. Хотя он не использовал термин «индивидуации» в философском смысле, его работы заложили фундамент для понимания уникальности особей как движущей силы эволюции. Майр подчеркивал, что индивидуальные различия между особями внутри популяции – это ключевой элемент эволюционного процесса. Другими словами, биологическая фаза индивидуации, во-первых, зависит от генетической изменчивости сущих, когда каждая особь обладает уникальным сочетанием генов, что создает «сырье» для естественного отбора. Во-вторых, фенотипическая пластичность. В этом случае даже при одинаковых генах особи могут различаться из-за взаимодействия с окружающей средой (например, размер тела, окраска). Таким образом, для Майра индивидуация – это не философская абстракция, а фундаментальное свойство жизни, обеспечивающее разнообразие и адаптацию. Уникальность каждой особи, возникающая благодаря генетическим вариациям и взаимодействию со средой, становится «двигателем» эволюции. Его теория индивидуации не только отказывается от топологического подхода, восходящего к Платону, который игнорирует индивидуальные вариации, фокусируясь на «идеальных типах», но и перекидывает мост между дарвинизмом и генетикой.

Рассматривая реальность не как воплощение универсального, а как совокупность индивидов (систем), поддающихся различной степени масштабирования, индивидуация у французского философа и теоретика техники Ж. Симондона (1924–1989) предстает в не иерархическом, а горизонтальном разрезе. Индивидуация – это разрешение внутренних напряжений в системе, ведущее к появлению структуры. Как считает современный социальный исследователь Е.Н. Ивахненко: «Вместо представлений о форме и формообразовании Симондон привносит мысль об операции, а в качестве одной из доминирующих характеристик материи – структуру. Согласно Симондону, всякое развитие реализуется через индивидуирующее действие (индивидуацию), которое есть операция рекурсивного преобразования структуры»^[22,с.108-109]. В таком случае, раскрытие особенностей актуальных индивидуальных проявлений требует обращения к предшествующей им области, которую Ж. Симондон обозначил как «доиндивидуальное бытие». Это не универсальная основа, включающая в себя зародыш будущего индивида со всем набором заданных качеств и возможностей, которые неизбежно реализуются, а скорее поле или изначальное состояние метастабильности, содержащее потенциал для множества всевозможных форм. Другими словами, здесь исторически обусловленные и непредсказуемые контингентности через процесс индивидуации формируют уникальные индивидуальные объекты. При этом доиндивидуальное бытие характеризуется избыточностью, насыщенностью, являясь чем-то большим, чем просто единичное^[23,24]. То есть индивидуация извлекает бытие из состояния неразличимости и неопределенности, конкретизирует его и наполняет индивидами. Именно этот непрерывный процесс объясняет возникновение новых свойств и способностей у физических, биологических, психических, коллективных и технических индивидов. Более того, эти непрерывные акты становления (фазы индивидуации) в конечном счете приводят к возникновению «трансиндивидуального» – процесса индивидуации, выходящего за пределы отдельного индивида. Это коллективное измерение, где индивиды взаимодействуют, сохраняя связь с доиндивидуальным бытием. Иными словами, «трансиндивидуальное» – это не коллектив, а процесс, в котором индивиды участвуют, не растворяясь в нем. То есть «трансиндивидуальное» у Симондона – это модальность процесса, а не объект. Оно описывает, как индивид «выходит за себя» сохраняя связь с доиндивидуальным. Например, эмоциональные связи, социальные

практики, технические системы – все, что сохраняет динамику незавершенной индивидуации.

Таким образом, Симондон преодолевает дуализм материи и формы, предлагая процессуальную онтологию. В связи с этим индивидуация становится непрерывным процессом трансформации, где жизнь, техника и материя возникают из общего поля потенциалов. Его подход объединяет философию, науку и технологию, показывая, что даже самые устойчивые формы – временные «узоры» в потоке становления. Это вызов классической метафизике, открывающий путь к пониманию мира как динамической сети взаимосвязанных процессов. Можно отметить, что Ж. Делез (1925–1995), также рассматривал понятие «индивидуации», но определял ее как процесс дифференциации, в результате которого конкретные сущие возникают из фона виртуальных возможностей. В этом случае Делез в работе «Различие и повторение»^[25] утверждал, что его индивидуация – это не результат предзаданной формы, а следствие интенсивных различий и динамических сил. Вместе с тем классические теории индивидуации, предложенные Симондоном и Делезом, сосредоточены на процессе становления индивидуальных сущих через разрешение внутренних противоречий или дифференциацию виртуальных возможностей. Однако они не в полной мере объясняют коллективные аспекты индивидуации, такие как формирование социальных структур, институтов или культурных паттернов. М. Деланда (р. 1952), опираясь на современную науку и философию, предложил оригинальный подход, связывающий коллективную фазу индивидуации с концепциями «эмерджентности» и «контингентности», что позволило расширить понимание социальных процессов.

Историческая индивидуация Деланда

Концепция «исторической индивидуации» у М. Деланда^[26] – это ключевой элемент его спекулятивной онтологии, развивающий идеи Симондона и Делеза. Деланда описывает, как социальные структуры (государства, города, институты, рынки, технологии) возникают и эволюционируют через динамические процессы аналогично биологической индивидуации, но в историческом контексте. Другими словами, Деланда противопоставляет эволюционную биологию (процесс формирования живых индивидов) исторической индивидуации, которая относится к становлению социальных ассамбляжей – устойчивых, уникальных и сингулярных конфигураций людей, институций, технологий и материальных объектов^[2, п. 28]. В этом случае, хотя понятие «индивид» обычно связывают с единичным живым сущим, его использование в отношении видов не является метафорой. С точки зрения бытия этот термин применим к любому сущему, возникшему благодаря процессу исторической индивидуации. То есть термин «индивид» можно вполне обоснованно применить и к виду. Он несет в себе ряд смысловых оттенков, вызывающих ассоциации не только с индивидуальностью и личностью, но и затрагивает социальные вопросы институтов, городов, наций и прочее. Поэтому для большей точности, возможно, стоит говорить о «индивидуальных сущих», а не «индивидах», используя термин как онтологическое определение, а не как существительное^[27, с. 38].

Историческая форма индивидуации у Деланда происходит в нелинейном времени, где случайные события, катастрофы и сингулярности (точки бифуркации) меняют траекторию развития систем. Например, война, революция или технологический прорыв как «точки ветвления», переопределяющие социальный ассамбляж. В связи с этим он отвергает идею о том, что история движется к определенной цели (прогрессу). Индивидуация – это ветвящийся процесс с множеством возможных исходов. Кроме того, нельзя объяснить сложные индивидуальные сущие (например, нацию) через людей, технологии и

территории. Требуется анализ их взаимодействия. Поэтому, подобно Делезу и Симондону, Деланда стремится сгладить разницу между естественнонаучным и гуманитарным знаниями, стремясь показать возможность их объединения, опираясь на прогресс современной науки. Он свободно заимствует термины из теории множеств, дифференциальной геометрии, теории хаоса, теории групп адаптируя их для анализа социальных и гуманитарных явлений, и подтверждает свои идеи примерами из самых разных сфер – от клеточных процессов и атмосферных явлений до функционирования местных рынков.

Вместе с тем, как считает Деланда, индивидуация происходит внутри ассамбляжей – временных динамических сборок гетерогенных элементов, которые сохраняют относительную автономию, но совместно порождают новые свойства. То есть, под ассамбляжем подразумевается нечто цельное, состоящее из элементов, которые можно отделить и интегрировать в другую структуру без потери функциональности [\[1, с.19-20\]](#). Разнородные, то есть существенно различающиеся элементы, входящие в ассамбляж, сохраняют свою независимость как по отношению к самому ассамбляжу, так и друг к другу. Более того, формирование и объединение ассамбляжей – это процесс, зависящий от конкретных обстоятельств и отрицающий предопределенность и всеобъемлющую зависимость. Следовательно, ассамбляжи представляют собой единое целое, возникающее благодаря внешним связям в процессе уникального исторического развития. Внешняя природа этих отношений обуславливает разнородность составляющих, как материальных, так и выразительных, поскольку они формируются различными этапами контингентной исторической индивидуации. Теория ассамбляжей предлагает радикальный пересмотр классических представлений о взаимосвязи части и целого, микро- и макроуровней. Здесь макроуровень обладает такими эмерджентными свойствами, которые нельзя предсказать из микроуровня. В этом случае Деланда отвергает не только редукционизм (сведение макроуровня к простой сумме микроэлементов), но и холизм (рассмотрение целого как первичного сущего, подчиняющего части). Вместо этого он предлагает неиерархический подход («плоскую» онтологию), где микро- и макроуровни взаимодействуют как равноправные компоненты. Поэтому ассамбляжи существуют как гетерогенные сети или динамические сборки, состоящие из разнородных элементов (культура, языки, люди, атомы), которые способны устанавливать связи друг с другом как итог их взаимной эволюции [\[2, p.21\]](#). Эти элементы взаимодействуют локально, создавая в пространственно-временных рамках глобальные паттерны без централизованного органа. Ассамбляжи постоянно перестраиваются, разрушая старые связи (детерриториализация) и создавая новые (ретерриториализация). После закрепления структуры, создания границ и устойчивых связей (территориализация) ассамбляж снова начинает оказывать воздействие на свои элементы, выступая для них одновременно и ограничением, и источником возможностей [\[28, p.22\]](#).

Например, городская индивидуация включает здания, транспорт, жителей, законы и экосистемы (водные ресурсы, рельеф), взаимовлияющие друг на друга. В этом случае Деланда не только развивает акторно-сетевую теорию Бруно Латура и Джона Ло, но и симондонианскую идею трансдукции (передачи информации между уровнями реальности) и метастабильности, применяя их к истории и социуму. Так, идея трансдукции прослеживается в идее передачи интенсивностей между элементами ассамбляжа, а метастабильность становится точками бифуркациями. Кроме того, если у Симондона «трансиндивидуальное» это поток становления, то у Деланда ассамбляж – это «остров» в этом потоке. То есть для Деланда ассамбляжи – это то, во что кристаллизуются

процессы, включая трансиндивидуальные, но с добавлением материальной конкретики истории. Ассамбляжи у Деланда состоят из двух типов компонентов: материальных и экспрессивных элементов. Материальные и экспрессивные компоненты взаимозависимы. Например, церковь («материальное») не существует без религиозных ритуалов и текстов («экспрессивное») и наоборот.

Признавая объективную реальность, состоящую из конкретных объектов, возникших исторически случайным образом благодаря эмерджентным свойствам, силам и тенденциям, Деланда считает необходимым возродить концепцию «эмерджентности», которую, по его мнению, несправедливо забыли. Поскольку в процессе индивидуации возникают непредсказуемые качества, которые нельзя свести к сумме компонентов. Он полагает, что пессимизм ранних исследователей эмерджентности относительно познания этих явлений был вызван ограниченным пониманием целей и методов научного объяснения, сводившихся к логическому выводу. В современной науке и философии объяснение сместилось от поиска причин к анализу условий и механизмов, формирующих объект через его историю. Отсюда следует, что эмерджентное сущее возникает из взаимодействия элементов в пространстве возможностей.

В этом случае концепции Деланда «эмерджентности» и «морфогенеза», помогают избежать убеждения в наличии у вещей некой извечной высшей сущности, например, принадлежности к определенному естественному роду. Обе эти концепции тесно перекликаются с симондонидским подходом, акцентирующим избыточность различия в общем пространстве доиндивидуального бытия для всего сущего. Вдобавок к вышесказанному, например, Делез и Гваттари описывают это доиндивидуальное поле потенциалов (ризому, ассамбляж или множественность), как плюрализм, эквивалентный монизму, что указывает на то, что внутреннее различие – это универсальный онтологический принцип, который возникает до любой репрезентации [\[29,с.37\]](#). В связи с этим ассамбляж выступает как альтернатива доиндивидуального бытия. Иными словами, в рамках этой концепции каждый естественный вид рассматривается не через его фундаментальные определяющие признаки, а через морфогенетические изменения, которые привели его к современной форме. Более того, Деланда избегает образности при анализе идей, связанных с теоретическими положениями, разработанными Симондоном и Делезом, и предлагает им точное, математически обоснованное толкование, подкрепляя это следующим этапом рассуждений.

Итак, по мнению Деланда, ассамбляж выступает как альтернатива устоявшемуся порядку вещей и обладает характеристиками как дискретных, так и непрерывных вариаций – изменчивыми параметрами размерности и отсутствием четко выраженной целостности, свойственной обычным объектам. Вместо этого эти объекты содержат собственную систему измерения. Для обоснования связи между ассамбляжем и конкретным материальным объектом необходимо установить более прочные взаимосвязи между геометрическими характеристиками многообразия и свойствами морфогенетических трансформаций. Поэтому Деланда, опираясь на идеи Делеза, интегрирует принципы теории «динамических систем» в философию, трактуя социальные, исторические и культурные процессы через призму многообразий и независимых переменных. Если вспомнить Делеза, то многообразие, во-первых, это не статичное множество, а динамическая структура, которая состоит из гетерогенных элементов, сохраняющих свою автономию, и не сводится к единому основанию или иерархии. При этом многообразие формируется через отношения между этими элементами, а не через их сущности. Например, социальное поле – это многообразие, где взаимодействуют экономика, политика, культура и технологии, но ни один элемент не доминирует над другими. Во-

вторых, в теории динамических систем многообразие (фазовое пространство) – это абстрактное пространство, где каждая точка (сингулярность) описывает состояние системы. Измерения многообразия соответствуют независимым переменным, которые определяют эволюцию системы (например, координаты и импульсы в физике). В результате Деланда переносит (вслед за Делезом) эту модель многообразия на социальные и исторические процессы [\[30, p.13\]](#). Вот почему у Деланда ассамбляжи являются динамическими системами, чье состояние описывается множеством переменных (экономикой, инфраструктурой, идеологией). Каждая переменная (измерение) может изменяться относительно автономно, но при этом взаимодействовать с другими, создавая нелинейные эффекты. Кроме того, Деланда утверждает, что в сложных системах (ассамбляжах) переменные – это не пассивные параметры, а активные силы, влияющие на траекторию системы. Их взаимодействие порождает эмерджентные свойства, которые нельзя предсказать на уровне отдельных элементов. Например, в городе как ассамбляже, переменными являются экономика, транспортная сеть, миграция, экология, культурные практики и т.д. При этом, в частности, увеличение числа мигрантов может привести к росту экономики или социальным конфликтам в зависимости от других переменных (доступность работы, интеграционная политика).

Несомненно, при исследовании динамических систем Деланда включает в данное рассмотрение еще и концепцию «сингулярностей» [\[30, p.5\]](#), интерпретируя ее шире, чем в традиционной физике, ограниченной двумя параметрами (координата и импульс). Следует отметить, что в рамках классической механики (в частности, гамильтонова формализма) состояние системы действительно определяется двумя переменными: координатами, отражающими положение, и импульсами, формирующими фазовое пространство. В физике сингулярности представляются точками, в которых уравнения, описывающие систему, перестают быть непрерывными (например, черные дыры или фазовые переходы). Тем не менее Деланда применяет это понятие в переносном, расширенном смысле, используя его для анализа социальных, исторических и культурных трансформаций. Другими словами, Деланда заимствует идею сингулярностей из математики и физики, но применяет ее к ассамбляжам, где переменные могут быть многочисленными и гетерогенными. Сингулярность – это точка бифуркации, где ассамбляж, подобно системе, теряет стабильность и через резкий скачок (переломный момент) выбирает новую траекторию развития. Например, революция 1917 года – сингулярность, где пересеклись переменные: военные поражения, экономический кризис, идеологии, что привело к распаду империи и рождению СССР. Таким образом, Деланда использует понятие сингулярностей не как физическую модель с двумя переменными, а как метафору для анализа сложных систем, где множество независимых параметров создают точки качественного изменения. Этот бифуркационный подход позволяет изучать социальные и исторические процессы через призму нелинейной динамики, подчеркивая роль контингентности, неоднородности и эмерджентных свойств. Именно этот аспект бифуркации динамических систем занимает центральное место в его философии нового материализма, размывающей границы между науками о природе и гуманитарными дисциплинами.

Кроме того, наряду с бифуркацией в процессе морфогенеза различные аттракторы (устойчивые состояния, к которым стремится система), могут последовательно сменять друг друга и на каждом этапе формировать уникальные комбинации потенциальных состояний. В данном контексте, Деланда, используя теорию групп, рассматривает процесс постепенной дифференциации ассамбляжей как сложные системы, которые развиваются через комбинации преобразований. Другими словами, Деланда описывает дифференциацию как поэтапное усложнение системы, где элементы взаимодействуют по

определенным правилам, формируя новые уровни организации. Согласно Деланда, подобные трансформации представляют собой разрыв симметрии (или бифуркации), а возможность последовательной дифференциации обусловлена приобретением или потерей симметричных свойств [\[30, p.10\]](#). То есть этот процесс постепенной дифференциации описывает, как ассамбляжи (социальные, биологические, технологические) развиваются через постепенное разделение и усложнение, а не только через резкие скачки (бифуркации). К механизмам постепенной дифференциации ассамбляжей относятся: накопление вариаций, специализация и локальные взаимодействия. Так, к накопленным вариациям относятся малые изменения в элементах системы (например, технологические улучшения, культурные инновации), а к специализации можно причислить разделение функций внутри системы (например, появление новых профессий, ниш в экосистемах). Вот почему Деланда рассматривает ассамбляж как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных векторных полей. Их взаимодействие обусловлено разрывами симметрии (так называемыми бифуркациями) и специфическими распределениями аттракторов, которые формируют каждый уровень этой иерархической структуры [\[30, p.23-24\]](#). Следовательно, постепенная дифференциация – это ключевой механизм, через который ассамбляжи обретают уникальность и сложность. В сочетании с бифуркациями она формирует «ткань» истории, где медленные изменения и резкие повороты взаимосвязаны. Этот подход позволяет анализировать историческую индивидуацию ассамбляжей без упрощений, признавая роль как устойчивости, так и неопределенности.

Заключение

Концепция «исторической индивидуации», разработанная Деланда, не только предлагает новаторский подход к анализу социальных, культурных и материальных процессов, но и отвергает идею предопределенного исторического пути. Деланда подчеркивает, что контингентные исторические процессы зависят от случайных событий, локальных условий и непредсказуемых взаимодействий. В этом случае будущее открыто, и даже незначительные изменения могут радикально изменить развитие ассамбляжей. Кроме того, используя теорию групп, Деланда формализует процесс дифференциации ассамбляжей, показывая, как локальные взаимодействия элементов порождают глобальные структуры через комбинации преобразований. Этот подход позволяет: объяснить эмерджентные свойства сложных систем, учесть контингентность исторических процессов, а также отказаться от упрощенных моделей в пользу анализа нелинейной динамики. Таким образом, дифференциация ассамбляжей – это не хаотичный, а структурированный процесс, где теория групп выступает мостом между математической абстракцией и социальной реальностью.

Библиография

1. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Hyle Press, 2018. 170 с.
2. DeLanda M. A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity. L.: Continuum, 2006. 142 p.
3. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
4. Мейясу К. Число и сирена. Чтение "Броска костей" Малларме. М.: Носорог, 2018. 224 с.
5. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Hyle Press, 2015. 152 с.

6. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2020. 290 с.
7. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 227-262. EDN: YMICHV
8. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: "Мысль", 1978. 687 с.
9. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: "Мысль", 1976. 550 с.
10. Тинус Н.Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации. 2021. № 1 (100). С. 44-59.
11. Аквинский Ф. Сумма против язычников. - Долгопрудный: Вестком, 2000. Кн. 1. 464 с.
12. Скотт И.Д. Трактат о первоначале. М.: Изд-во Францисканцев, 2001. 182 с.
13. Оккам У. Избранное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
14. Суарес Ф. Метафизические рассуждения. Рассуждение V. Об индивидуальном единстве и его принципе (фрагмент) // Verbum. Вып. 1. Франсиско Суарес и европейская культура XVI-XVII веков. СПб., 1999. С. 180-183.
15. Лейбниц Г.В. Монадология. М.: РИПОЛ классик, 2020. 200 с.
16. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
17. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I. М.: Мысль, 1985. 621 с.
18. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
19. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с. EDN: QGSZUJ
20. Юнг К. Эон. Исследования о символике самости. М.: Академический проект, 2009. 340 с.
21. Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М.: Мир, 1974. 465 с.
22. Ивахненко Е.Н. Аллагматика Симондона vs диалектика Гегеля // Вестник Московского университета. М., 2023. Т. 47. № 6. С. 107-126.
23. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
24. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
25. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 384 с. EDN: TCNXLB
26. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, New York: Bloomsbury, 2013. 242 p.
27. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 35-56. EDN: YMICEJ
28. DeLanda M. Assemblage Theory. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 208 p.
29. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с. EDN: QWXXZVV
30. DeLanda M. Intensive Science and Virtual Philosophy. London, New York: Bloomsbury, 2013. 242 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу концепции исторической индивидуации в философии Мануэля Деланда в контексте спекулятивной онтологии и нового материализма. Автор прослеживает эволюцию понятия "индивидуация" от Аристотеля до современных философских теорий, уделяя особое внимание тому, как Деланда трансформирует и расширяет это понятие применительно к социальным и историческим процессам через призму теории ассамбляжей, концепций эмерджентности и контингентности.

Методология исследования

Автор использует историко-философский и компаративистский подходы, систематически рассматривая развитие концепции индивидуации в западной философской традиции и сопоставляя различные теоретические модели. Статья строится на последовательном анализе трансформации понятия индивидуации от Аристотеля через средневековую схоластику (Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам, Франсиско Суарес), философию Нового времени (Лейбниц, Локк), до современных концепций (Уайтхед, Юнг, Майр, Симондон, Делёз) и, наконец, спекулятивной онтологии Деланда. Методология исследования включает концептуальный анализ, реконструкцию теоретических моделей и их критическое сопоставление.

Актуальность

Актуальность исследования определяется нарастающим интересом к спекулятивному реализму и новому материализму в современной философии, которые предлагают альтернативу постмодернистским и корреляционистским подходам. Теория ассамбляжей Деланда представляет собой значимую попытку преодоления разрыва между естественнонаучным и гуманитарным знанием, что особенно важно в контексте междисциплинарных исследований и поиска новых методологических оснований социальных наук. Обращение к проблеме исторической индивидуации позволяет по-новому взглянуть на процессы формирования социальных структур, институтов и культурных паттернов, что особенно актуально в эпоху глобальных трансформаций и нарастающей сложности социальных систем.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании исторической индивидуации у Деланда в контексте многовековой философской традиции. Автор не только прослеживает генезис концепции индивидуации от Аристотеля до современности, но и демонстрирует, как Деланда интегрирует и переосмысливает идеи предшественников, создавая оригинальную спекулятивную онтологию. Особую ценность представляет анализ того, как Деланда применяет концепции из теории динамических систем, теории групп и теории хаоса к анализу социальных и исторических процессов, что позволяет преодолеть традиционный разрыв между естественными и гуманитарными науками. Автор также показывает связь между концепциями Деланда и идеями Симондона о доиндивидуальном бытии и трансиндивидуальности, что расширяет наше понимание теоретических истоков нового материализма.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет четкую логическую структуру, которая позволяет последовательно раскрыть эволюцию концепции индивидуации и показать ее трансформацию в философии Деланда. Работа начинается с введения в проблематику спекулятивной онтологии, затем прослеживает историю понятия индивидуации от античности до современности, и завершается анализом концепции исторической индивидуации у Деланда.

Стиль изложения научный, но доступный для понимания. Автор демонстрирует глубокое знание философской традиции и способность ясно излагать сложные концепции. Однако в некоторых разделах текст перегружен терминологией без достаточного пояснения ключевых понятий, что может затруднить понимание для читателей, не знакомых с философией Деланда и его предшественников. В частности, требуются более подробного

разъяснения такие понятия как "аттрактор", "бифуркация", "метастабильность" в контексте социальных и исторических процессов.

Содержание статьи глубоко и информативно. Автор последовательно анализирует различные подходы к индивидуации, выявляя их сильные и слабые стороны, и показывает, как эти идеи трансформируются в философии Деланда. Особенно ценным является анализ взаимосвязи между концепциями ассамбляжа, эмерджентности и исторической контингентности, который позволяет понять оригинальность подхода Деланда к социальным и историческим процессам.

Библиография

Библиография статьи включает 30 источников, среди которых как классические философские тексты (Аристотель, Фома Аквинский, Дунс Скот, Лейбниц), так и современные исследования по спекулятивному реализму и новому материализму. Автор привлекает работы самого Деланда, а также других ключевых представителей спекулятивного реализма (Мейясу, Харман, Брасье). Библиография демонстрирует широкую эрудицию автора и основательный подход к исследуемой проблеме.

Однако стоит отметить, что в статье отсутствуют ссылки на недавние критические исследования философии Деланда и спекулятивного реализма, что могло бы обогатить анализ и показать дискуссионные аспекты исследуемой концепции. Также было бы полезно привлечь работы, посвященные применению теории ассамбляжей Деланда к конкретным социальным и историческим феноменам, что позволило бы продемонстрировать практическую значимость его подхода.

Апелляция к оппонентам

В статье недостаточно выражен критический подход к концепции Деланда. Автор в основном реконструирует и поясняет идеи философа, но не подвергает их систематической критике. Отсутствует анализ возможных противоречий и ограничений теории ассамбляжей применительно к исторической индивидуации.

Автору следовало бы уделить больше внимания потенциальным возражениям, которые могут быть выдвинуты против подхода Деланда с позиций других философских традиций (например, с точки зрения феноменологии, герменевтики или критической теории). Также было бы полезно рассмотреть методологические трудности, связанные с применением концепций из теории динамических систем и теории групп к анализу социальных и исторических процессов, и возможные ограничения такого подхода.

Выводы, интерес читательской аудитории

Статья представляет значительный интерес для широкого круга исследователей: историков философии, теоретиков социальных наук, специалистов по философии науки и современной континентальной философии. Автору удалось показать, как концепция исторической индивидуации у Деланда открывает новые перспективы для понимания социальных и исторических процессов, преодолевая ограничения как редукционизма, так и холизма.

Основные выводы статьи заключаются в том, что концепция исторической индивидуации Деланда представляет собой оригинальный синтез идей из различных философских традиций и современной науки, который позволяет по-новому взглянуть на процессы формирования и трансформации социальных структур. Автор убедительно показывает,

что подход Деланда, основанный на теории ассамбляжей и концепциях эмерджентности и контингентности, позволяет избежать как детерминизма, так и чистой случайности в понимании исторических процессов.

Тем не менее, статья выиграла бы от более четкого формулирования собственной позиции автора и более критического анализа концепции Деланда. Также было бы полезно более подробно рассмотреть конкретные примеры применения этой концепции к анализу исторических и социальных феноменов, что сделало бы статью более доступной и привлекательной для читателей, не специализирующихся в области философии.

В целом, статья представляет собой ценный вклад в исследование современной спекулятивной онтологии и нового материализма, открывая перспективы для дальнейшего диалога между философией, естественными и социальными науками и может быть рекомендована к публикации.